

СТАТУС ЗАКОННОГО ВЛАДЕЛЬЦА: ВОЗМОЖНОСТЬ ВИНДИКАЦИИ И ЗАЩИТА ОТ ВИНДИКАЦИИ

САЯКБАЕВ Н. А., университет Туран, соискатель

Закон определяет право владения как юридически обеспеченную возможность осуществлять фактическое обладание имуществом (ч. 2 п. 2 ст. 188 ГК РК). «Право собственности, - пишут авторы учебника, - не связано жестко ни с обладанием (держанием), ни с даже владением в данный момент. Кроме того, на сегодняшний день законодателю не удалось выявить правовые сущностные признаки права владения». В такой ситуации признание трех правомочий собственника содержанием права собственности может направить нас по такому ложному следу: «на практике приходится исходить из «принципа исключения» - то, что не покрывается правами пользования и распоряжения, является правом владения», «а если собственник покрасил велосипед или переставил его из одной комнаты в другую? По нашему мнению, данные действия относят уже к осуществлению правомочия владения. То есть действие, не являющееся распоряжением, использованием полезных естественных свойств вещи и не приносящее выгоды, может быть отнесено к сфере права владения».

Очевидно, что такие действия собственника, как покраска велосипеда или перестановка его из одной комнаты в другую, не являются осуществлением правомочия владения, скорее, эти действия подпадают под правомочия собственника совершать в отношении вещи любые действия (п. 3 ст. 188 ГК РК; п.3 ст.222 ГК РК; п.2 ст. 209 ГК РФ). И «принцип исключения» здесь для определения сущности права владения не может применяться, ведь право собственности не есть только лишь сумма трех правомочий. И в этом мы согласны со Скрябиным С. В. «Понимание в качестве владения, - пишет он, - всего того, что не вошло в содержание двух правомочий, представляется неправильным».

Здесь следует задаться вопросом: что дает собственнику правомочие владения? Прежде всего, возможность владеть вещью, фактически обладать ею, держать ее. Владение вещью позволяет собственнику контролировать вещь, физически воздействовать на нее, пользоваться ею.

Об этом подходе к праву владения свидетельствует следующее высказывание авторов учебника: «важным является вопрос – может ли быть вы праве собственности право пользования без права владения? Мы считаем, что нет. По нашему мнению, ответ на данный вопрос зависит от того, что понимать под владением. В изложенной нами концепции, по общему правилу, право пользования предполагает наличие физического держания». Так, правомочие владения посредством обеспечения возможности собственника владеть вещью

юридически закрепляет отношения собственности. Характерно для права собственности, что юридическое обеспечение владения сводится в основном лишь к возможности истребовать свою вещь из чужого незаконного владения (ст. 260 ГК РК; п.1 ст. 289 ГК РК; ст 301 ГК РФ). На наш взгляд, именно с этой позиции следует раскрывать понятие права владения, которое устанавливается для юридического закрепления и защиты реальных отношений собственности, в принципе способных существовать и вне права. Юридическая значимость права владения в практической деятельности сводится к праву истребовать вещь из чужого незаконного владения.

Право владения и право истребовать вещь из чужого незаконного владения являются мерой защиты права собственности. Однако мы не можем согласиться с высказыванием С.В. Скрябина: «во втором случае речь может идти об опосредованном владении собственником своей вещью. Это такие ситуации, когда собственник передает вещь в обладание другому лицу на другом – не праве собственности! – вещном праве. Последнее владение собственника можно определить как производное». Здесь нельзя говорить об опосредовании, ведь собственник, передавая вещь, не делится с другим лицом своим правом владения и не представлен владельцем (в самом широком понимании слова), когда тот владеет вещью. Но здесь собственник как хозяин просто может разрешать, или запрещать другим лицам совершать в отношении его вещи те или иные действия. Хозяин, обладая правом собственности, может делегировать некоторые свои полномочия по распоряжению вещью, может предоставить другим лицам иные вещные права, но опосредования и выделения права владения здесь нет. Юридическое владение других лиц – несобственников – это мера защиты их собственных прав и интересов в отношении имущества.

Посмотрим: если собственник передал вещь во владение другому лицу, то есть наделил другое лицо правами на вещь, тогда собственник лишается возможности истребовать вещь из владения этого другого. Незаконное владение – вот признак, по которому можно было бы применить право истребования вещи. Наличие же субъективных прав на вещь у другого лица, охраняемых правом, и, в том числе правом владения, свидетельствует о законности его владения.

Все лица, имея соответствующие права на вещь, наделяются «правом владения» как мерой обеспечения субъективного права, юридическое обеспечение субъективных прав и интересов предоставляется объективно. Иметь «право владения» - значить иметь статус законного владельца, и это означает, что законный владелец, во-первых, наделяется законным основанием владения, ограждающим его от применения к нему виндикации, и, во-вторых, наделяется правом истребовать вещь из чужого незаконного владения.

Истребовать вещь у лица, имеющего статус законного владельца, то есть наделенного «правом владения», как правило, невозможно. Кроме того, не истребуется вещь из хотя и незаконного владения, но у добросовестного приобретателя, получившего вещь возмездно. Как замечает М.В. Аверьянова: «...ГК РФ весьма последовательно отстаивает возмездность приобретения имущества в качестве условия применения института ограничения виндикации для защиты добросовестного приобретателя... Такая последовательная позиция большинства законодательств в отношении данного условия имеет свое обоснование в виде теории «наименьшего зла», к которой гражданское право прибегает всякий раз, когда требуется достичь компромисса между непримиримыми интересами различных участников гражданского оборота, в данном случае собственника и добросовестного приобретателя. В соответствии с этой теорией представляется несомненным, что интересы добросовестного приобретателя достойны предпочтения только в том случае, если имущество было им приобретено возмездно». Мы хотим продолжить ход мысли. Действительно, обоснование такого подхода законодателя следует искать в той области, которая выступает за непосредственно юридическую сферу (там же, где находятся и «интересы различных участников гражданского оборота»), уже в неюридической сфере общественных отношений.

В данном случае добросовестный приобретатель, получивший возмездно чужое имущество, приобрел не просто исключительное положение, не позволяющее применить к нему виндикацию, но он фактически приобрел «право владения» имуществом и даже право собственности как законное основание владения. (Нельзя, к примеру, применять здесь по отношению к добросовестному возмездному приобретателю нормы о находке и т.п.). И это значит, что собственник вещи, который не может истребовать вещь, стал бывшим законным ее владельцем и к моменту возмездного приобретения вещи добросовестным приобретателем бывший владелец потерял право собственности на вещь. В чем тут дело? Причины всем этим метаморфозам нужно искать в изменениях собственнической связи, которая выражается в том, что собственник считает вещь своей, принадлежащей собственнику. Это собственническая связь является основой для всех правомочий собственника, и, изменения в собственнической связи влекут за собой изменения в праве собственности.

Человек, возмездно и добросовестно приобретший имущество (купивший вещь), естественно, считает вещь своей с того момента, когда осуществлена сделка. «Я купил вещь, и, значит, она моя» - считает новый хозяин. Общество, по всей видимости, также подходит к этой проблеме и признает добросовестного приобретателя в качестве

хозяина: «он купил, и, значит, вещь его». Возмездность сделки, то есть совершение приобретателем затрат на приобретение имущества, свидетельствует для общественного сознания о правомерности приобретения. Собственническая связь относится к общественному сознанию, к осознанию, что вещь принадлежит субъекту, «вещь моя», то есть хозяина, и эта связь возникает между вещью и добросовестным приобретателем по возмездной сделке.

С другой стороны, этому положению противостоит то, что собственником этой же вещи по праву являлось другое лицо, из владения которого вещь выбыла. Если имущество было утеряно собственником или лицом, которому поручено хранить вещь, или выбыло помимо воли собственника, тогда он сохраняет право на вещь и может истребовать у ее добросовестного возмездного приобретателя. Если же бывший хозяин потерял свою вещь другим образом, тогда общественное сознание, сравнивая положение нового владельца (добросовестного возмездного приобретателя) и прежнего хозяина, отдает предпочтение добросовестному приобретателю. Бывший собственник теряет собственническую связь, так как он меньше заслуживает защиты своего положения в качестве ненадлежащего собственника. Примерно таким же образом (путем сравнения положения претендентов) решается вопрос о приобретении одним лицом права собственности на вещь на основании давности владения и потери права собственности другим лицом. Потому что таково современное представление общества о справедливости. Как видим, в этих рассуждениях на первый план выступает общественное мнение, а не юридические представления о правопреемстве права собственности (потому новый собственник не является производным приобретателем). Юридическая сфера права собственности, уже вслед за изменениями субъектов в собственнической связи, изменяется и наделяет правомочиями уже нового хозяина. Еще здесь стоит указать, что общественные представления о справедливости могут изменяться с историческим развитием общества, и, соответственно, мы не можем исключить, что другое время эти же отношения будут отрегулированы иначе. Сейчас, на наш взгляд, было бы вполне истребовать вещь из чужого незаконного владения даже у добросовестного приобретателя по возмездной сделке – истребовать вещь, которая имеет для собственника особое значение (такая вещь отличается от других вещей тем, что она явно имеет не только экономическую ценность), например, семейная реликвия или любимое домашнее животное, а для публичных субъектов – культурные и исторические памятники.

Итак, из изложенного выше ясно, что «право владения» выражает статус законного владельца, не позволяющий применить к нему виндикацию и позволяющий ему самому истребовать вещь из чужого незаконного владения. Этот статус законного владельца предоставлен

собственнику, однако нельзя сказать, что законное владение характерно, прежде всего, для отношений собственности. Статус собственника как законного владельца равносителен статусу другого законного владельца, например, арендатора. И права арендатора как законного владельца производны от права владения арендодателя. Но, напротив, объективное право (и это может быть договор) наделило арендатора статусом законного владельца потому, что он имеет конкретные права на имущество и «право владения» дано ему как юридическое обеспечение его прав и законных интересов.

Отсюда можно сделать и такой вывод: собственник, предоставляя другому лицу права использовать тем или иным способом его имущество, не может отказать ему в «праве владения», если для использования имущества обозначенным способом необходимо фактическое владение (в этом случае статус законного владельца должен предоставляться законодательством, либо владение должно быть в качестве обеспечения субъективного права). Статус законного владения не является исключительным, и он обеспечивает субъективные права и законные интересы владельцев в том объеме, в каком они имеются у этих лиц. Например, арендатор вправе истребовать вещь у собственника, но не вправе истребовать вещь у субарендатора, а собственник вправе истребовать вещь у всех других лиц – незаконных владельцев). Здесь все три лица являются законными владельцами, но соответствующие права (ограничение истребования из их владения вещи и право истребовать вещь у других законных владельцев) распределены между ними в соответствии с их субъективными правами и законными интересами.

Статус законного владельца обеспечивает возможность фактического владения указанными двумя мерами и именно этим обеспечивает субъективные права и интересы (и в том случае, субъективное право собственности). При этом фактическое владение (не статус, не право владения) имеет такую особенность, что если одно лицо фактически владеет имуществом, то другое лицо не владеет им. Это говорит о том, что фактическое владение является исключительным, в отличие от статуса законного владельца. Конечно, мы не затронули еще возможность совместного фактического владения, но этот случай характерен, когда интересы фактических владельцев совпадают и не противоречат друг другу (например, совместное использование имущества или совместное хранение. То есть тогда, когда совместные владельцы выступают как единая группа с общими интересами и волей. Поэтому для группы совладельцев фактическое владение является исключительным, то есть все другие фактически не владеют вещью.

Статус законного владельца несет в себе две меры:

1. невозможность применения к нему виндикации

2. возможность истребовать свою вещь из чужого незаконного владения, и эти две меры обеспечивают фактическое владение. Когда законных владельцев несколько, тогда эти меры всегда могут применяться любым законным владельцем в отношениях с другими лицами – незаконными владельцами. Это в интересах и собственника, и арендатора (например, возможность фактического обладания вещью может быть в интересах арендатора для пользования вещью, а для собственника такая возможность интересна для сохранения вещи от чужого владения и воздействия). А уже в отношениях друг с другом (среди законных владельцев) право владения в конкретный момент времени обеспечивает возможность фактического обладания только одному из законных владельцев (возможно, по очереди и т.п.) в соответствии с распределением между ними юридических свобод, субъективных прав и обязанностей. Этот единственный из обладателей статуса законного владельца особенно выделяется не только как лицо, которое охраняется от виндикации имущества другими обладателями статуса законного владельца и которое вправе истребовать имущество у других обладателей статуса законного владельца. Но, кроме того, это лицо может быть выделено как обладатель статуса законного владельца, фактически обладающий имуществом, и на которое возлагается гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности по ст. 931 ГК РК. Указанная статья в качестве субъекта ответственности называет законного владельца, понимать под этим следует обладателя статуса законного владельца, объективное право которому предоставляет юридическую возможность фактически обладать имуществом.